

Рысаков Дмитрий Петрович
Президентская библиотека имени Б.Н. Ельцина, Москва

**ПРОБЛЕМНОЕ ПОЛЕ МАГИЧЕСКОГО РЕАЛИЗМА
НА ПРИМЕРЕ ТВОРЧЕСТВА Ф. КАФКИ**
(по материалам доклада А. Гугнина «Магический реализм
в контексте литературы и искусства XX века»)

***Аннотация.** Магический реализм расширяет рамки изучения Кафки с феноменальной стороны. Кафка определяет магию как инструмент вскрытия реальности и абсолютизирует магическую природу творчества. Его сакраментальное мирозерцание может служить законным пропуском автора в магический реализм.*

***Ключевые слова:** магический реализм, Франц Кафка, А. Гугнин.*

***Abstract.** Magical realism expands the scope of Kafka's study from the phenomenal side. Kafka defines magic as a tool for revealing reality and absolutizes the magical nature of creativity. His sacramental worldview can serve as a legitimate pass for the author into magical realism.*

***Keywords:** magical realism, Franz Kafka, A. Guginin.*

Работа профессора Александра Гугнина с «обзором проблематики магического реализма» [1, с. 3] посвящена студентам нескольких поколений, посетившим его спецкурс «Магический реализм в контексте литературных и художественных течений XX века», а также Евгению Жаринову, коллеге по цеху зарубежного литературоведения.

Любопытно, что Е. Жаринов в 1999 году, почти одновременно с изданием работы А. Гугнина, защитил докторскую диссертацию «Историко-литературные корни массовой беллетристики», в которой отметил одну из особенностей жанра «фэнтези» – стремление его представителей «создать цивилизацию на основе уже известных мифологических систем или личного мифотворчества» [2, с. 322].

Аналогичную особенность определяет А. Гугнин в художественном пространстве магического реализма: действующие в нём законы могут иметь «абстрактно-мифическую, фантастически сконструированную или регионально специфическую мифо-фольклорную основу» [1, с. 44].

Известно, что оба автора развивали свои идеи в личном взаимодействии. В этих и других работах они так или иначе акцентируют внимание на «романтическом происхождении» конкретных литературных жанров и направлений. Романтическая традиция лежит в основе и экспрессионизма, элементы которого встречаются в поэтике магического реализма, и жанра «фэнтези». Также общим для соотношения фэнтези и магического реализма является мифотворчество.

И с этого момента обратимся к текстам Ф. Кафки (*Franz Kafka*, 1883–1924). Под мифотворчеством у австрийского писателя, юриста по образованию, в значительной мере подразумевается нормотворчество. Прежде чем построить цивилизацию, Кафка создаёт её регламенты, причём этот нормотворческий этап увлекает его больше всего. Он не только изображал административный аппарат, генерировал в форме притч законы и порядки систем, имитирующих закрытые общества, но и был настоящим бюрократом в прозе и даже в письмах к возлюбленным.

Его художественный, писательский, философский интерес направлен на поиск тайных взаимосвязей в иерархиях, а не социумах и застывает на стадии проектно-изыскательского любопытства. «Всё мне кажется конструкциями», – пишет он в дневнике 19 ноября 1913 года [3, с. 186].

Иногда такой конструкцией становится подполье, андеграунд. В рассказе «Нора» (*Der Bau*, издан 1931), задуманном Кафкой как большой автобиографический роман (и здесь мы имеем дело с личным мифотворчеством или персональным мифом), процесс его художественного конструирования демонстрирует избыточную самодостаточность и утверждает мысль о том, что постройке не суждено быть завершённой или же в готовой постройке никогда нельзя будет почувствовать себя в безопасности.

Другой пример его писательской конструкции – масштабный проект в новелле «Как строилась Китайская стена». Здесь мы видим вживление в исторический миф о Великой китайской стене библейского мифа о Вавилонской башне, и над всем этим довлеет опять же персональный миф Кафки, основные мотивы которого – трансцендентность власти, корреляция слишком малого и слишком великого (жителя юго-восточного Китая и императора). «Он находит в рассказе о воображаемом Китае ту тональность, которую потом назовут философской сказкой», – отмечает французский литературовед и переводчик Клод Давид [4, с. 258].

Итак, принадлежность творчества Кафки к магическому реализму может быть обоснована только после точного определения термина. Этим термином нередко обозначаются литературные явления без самоочевидных признаков преемственности.

Поэтому, чтобы очертить круг проблемных вопросов магического реализма в увязке с творчеством Ф. Кафки, нужно прежде понять, что такое магический реализм, относится ли он к направлению (течению), поддается ли градации, то есть

можно ли в нём вычлени́ть художественный метод, способ повествования, стиль, жанр или поэтику. На эти вопросы в целом отвечает А. Гугнин, называя магический реализм феноменом и тем самым расширяя рамки изучения Кафки с феноменальной стороны.

А между тем термину уже 100 лет. В 1923 году его впервые использовал искусствовед Франц Ро, чтобы описать авангардистскую живопись начала XX века. Интересно отметить, что дата начала бытования термина не совпадает с датой появления на свет произведений с признаками магического реализма. Термин в каком-то смысле опережает соответствующий ему литературный продукт. «Магический реализм возникает аж в 1946 году, некоторые говорят, даже раньше, в 30-е годы, если к <нему> приписывать творчество бразильского писателя Жоржи Амаду», – такой хронологии придерживается Е. Жаринов в мастер-классе «Магический реализм в литературе» [5].

Таким образом, термин «магический реализм» оказался, по словам А. Гугнина, «самым блуждающим термином XX века» [1, с. 20]. Альтернативные наименования, которые порой дублируют его, – это и метафизический, и мистический реализм, и волшебный, чудесный реализм, и фантастический реализм – имеют скорее отвлечённое, описательное или всеобъемлющее значение.

Магический реализм предлагался автором этого термина, Францем Ро, одним из крупнейших знатоков европейской живописи, на замену постэкспрессионизму. Но в результате термин получил автономность, сохранив субъективность и амбивалентность. Он содержит неравноправные и противоречащие друг другу понятия, а бытование термина в литературоведении стимулируется волюнтаристскими коннотациями. Неизвестно, манифестируется ли в нём примат магии над реализмом или магия усматривается в обычной игре писательского воображения, в фантазмагии. Семантическая неоднозначность термина заключается также в том, что под ним может подразумеваться и как «сильно/необъяснимо воздействующий реализм», и как «реализм, испытывающий воздействие магией».

У Кафки, как всегда, всё сложно переплетено. Показательно его поэтическое дневниковое высказывание, в котором он не просто определяет магию как инструмент вскрытия реальности, но и абсолютизирует магическую природу творчества: «Легко вообразить, что каждого окружает уготованное ему великолепие жизни во всей его полноте, но оно скрыто завесой, глубоко спрятано, невидимо, недоступно. Однако оно не злое, не враждебное, не глухое. Позови его заветным словом, оклики истинным именем, и оно придёт к тебе. Вот тайна волшебства – оно не творит, а взывает» [3, с. 316].

Это высказывание, в котором используется слово *Zauberei* – «колдовство, волшебство, магия», – наряду с другими афоризмами Кафки подчёркивает его

сакраментальное мирозерцание и могло бы служить законным пропуском автора в магический реализм. Прежде всего, конечно, в части психологии творчества.

При этом известно стремление австрийского писателя к флоберовской точности, бесстрастности. Бертольт Брехт ценит у Кафки только реализм, а всё, что кроме него, считает негодным. Образы Кафки очень хороши, признаёт немецкий драматург, «что до остального, то это просто напускание туману и таинственности. И это хлам» [6, с. 269].

«Что там много всякого хлама и действительно много напускной таинственности – это мне ясно», – признаёт Вальтер Беньямин, но в свою очередь, полемизируя с Брехтом, напоминает, что Кафка жил в Праге «в дурной среде журналистов и литераторов-заснаек, в этом мире главной, если не единственной реальностью была литература; из подобного способа мировосприятия вытекают сильные стороны Кафки и его слабости – его художественная значимость, но и его всяческая никчёмность» [6, с. 267–269].

В этом году исполняется 100 лет со дня его смерти. О магическом реализме Кафка, конечно, не знал, исторически он принадлежит экспрессионизму (в котором тоже, кстати, наблюдается несхожесть творческих установок, например, пражских (австрийских) авторов – Густава Майринка, Альфреда Кубина, Карела Чапека и т.д.), а онтологически связан с ранними экзистенциалистами. Поэтому фигура Кафки наиболее ярко иллюстрирует проблему отнесения авторов к магическому реализму, вход в который иногда оказывается слишком свободным. Любое течение или направление легитимизируется чёткой представленностью, а в магическом реализме европейские авторы представлены разнородно или дискуссионно, как Кафка.

В данной статье нет необходимости подробно останавливаться на том, что магический реализм стал результатом самоопределения латиноамериканских литератур и конкретных авторов. В каком-то смысле они единственные, кто, если можно так выразиться, практикуют магический реализм. А Гугнин пишет, что их «интересовали не столько объективные факты истории магического реализма в европейских странах, сколько те практически неограниченные возможности, которые допускала произвольная трактовка словосочетания “магический реализм”» [1, с. 28]. Подобная трактовка, заметим, позволяет относить к магическим реалистам, например, русских и российских писателей – Андрея Битова, Василия Аксёнова, Виктора Пелевина и Татьяну Толстую. А Наталья Ребер называет среди магических реалистов «Гоголя – посредника между Гофманом и Достоевским, Бальзака, Диккенса, По и Кафку» [7, с. 224].

При этом трудно избежать вопроса, чем отличается магический реализм от мистического и, шире, магия от мистики. Магия создаёт другие миры, а мистика их сублимирует в этом мире – эта и подобные антиномии довольно критично приближают к допущению, что австрийский писатель скорее мистический, чем магический реалист.

В Праге, в доме на Алхимистенгассе, то есть в переулке Алхимиков, он пишет несколько новелл из сборника «Сельский врач», среди них одну из самых мистических – «Верхом на ведре», которую убирает из сборника перед публикацией.

Эти новеллы гарантируют неисчислимо множество трактовок, если учитывать, что Кафка в своих произведениях любое бытовое действие насыщает символическим смыслом. Мы можем увидеть в них и античную легенду об обречённом на вечный энтузиазм Сизифе, и легенды хасидов, и философию айкидо – в эпизодах, когда протагонист использует энергию нападения антагониста, и даже предвосхищение элементов современной «новой нормальности» – эпохи коронавируса.

С одной стороны, «магические реалисты, – пишет А. Гугнин, – хотя и не всегда осознанно, пытались выскочить из этих качелей [иррационального и рационального]» [1, с. 35]. С другой стороны, они добиваются художественного эффекта, создавая напряжение между реалистической точностью и магической атмосферой. И Кафка в этом преуспевает. Он сажает нас в эти качели.

Как видится, вопросы, поднятые в работе А. Гугнина, не теряют актуальности. Её цель – создать платформу для дискуссии на основе собранного автором эмпирического материала и разработанных им тезисов, показать, что магический реализм не побочное, сопутствующее течение в литературно-художественной жизни XX века, а течение, в котором просматривается проблематика нашего времени и «протягиваются связующие нити в предшествовавшие столетия и даже, кажется, в будущее» [1, с. 4].

ЛИТЕРАТУРА

1. Гугнин, А. А. Магический реализм в контексте литературы и искусства XX века (Феномен и некоторые пути его осмысления) / А. А. Гугнин. – М. : Научный центр славяно-германских исследований ИС РАН, 1998. – 117 с.
2. Жаринов, Е. В. Историко-литературные корни массовой беллетристики : дис. ... д-ра филол. наук : 10.01.01 / Е. В. Жаринов. – М., 1999. – 388 л.
3. Кафка Ф. Дневники. Вступ. статья, составл., перев. с нем., комм. Е. А. Кацевой. – М.: Аграф, 1998. – 448 с.
4. Давид, К. Франц Кафка / К. Давид ; пер. с фр. А. Д. Михелев. – Харьков : Фолио, Ростов-на-Дону : Феникс, 1998. – 384 с.
5. Жаринов, Е. В. Магический реализм в литературе / Е. В. Жаринов. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://thewikihow.com/video_HU4-LHnhJI. – Дата доступа : 01.08.2023.
6. Беньямин, В. Франц Кафка / В. Беньямин. – М. : Ad Marginem, 2000. – 320 с.
7. Reber, N. Studien zum Motiv des Doppelgängers bei Dostojewskij und E. T.A. Hoffmann / N. Reber. – Marburg : Wilhelm Schmitz, 1964. – 240 S.